

САМОЗВАНЕЦ

ВЛАДИМИР АНДРИЕНКО

Владимир Андриенко

Самозванец

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Андриенко В.

Самозванец / В. Андриенко — «Мультимедийное издательство
Стрельбицкого»,

ISBN 978-0-88-715395-2

Старый монах Троице-Сергиева монастыря, в прошлом польский шляхтич Ян Нильский, поведал про те годы своей жизни, когда состоял при особе самозваного царевича Дмитрия Ивановича. Самое важное в записках инок — сведения про сестру самозванца Елену, имя которой было «стерто» со страниц истории. А ведь как она блистала при дворе воеводы Мнишека в Самборе! Сколько шляхтичей потеряли тогда свои головы от любви. И затем сыграла она важную роль в походе самозванца и помогла ему достичь трона московского. В лето 1604-е от Рождества Христова, шляхтич Нильский впервые встретил Елену в Самборском замке. Эта встреча переменила всю его жизнь и успешный офицер крылатых гусар Речи Посполитой, отправился вместе с армией самозванца добывать московский трон.

ISBN 978-0-88-715395-2

© Андриенко В.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Пролог	5
Сведения о самозванце	7
Глава 1	14
Глава 2	28
Глава 3	33
1	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Владимир Андриенко

САМОЗВАНЕЦ

Пролог

Слова инока Григория, который своей рукой изложил «Историю самозванца Лжедмитрия Первого и сестры его Елены».

Я начну с того часа как стал помогать дьяку Ивану Тимофееву в составлении «Временника», в коем была изложена история государства Русского за четыре десятилетия от царя Ивана Васильевича Грозного до Василия Шуйского.

Имя мое инок Григорий, я монах Троице-Сергиева монастыря, и много лет состоял при монастырской книжнице (библиотеке). А когда дьяку Тимофееву понадобился переписчик, отец-игумен посоветовал ему меня, как знающего и книжного человека.

Дьяк выяснил, что сам я в молодые годы был очевидцем событий, которые произошли с лета 7110-го от сотворения мира (1602 от РХ) по лето 7113-е (1605 от РХ). Я не просто видел самозванного царевича Дмитрия, но состоял при его особе и много раз беседовал с ним. Знал я и воеводу Юрия Мнишека и дочь его Марину Мнишек, которая стала женой Дмитрия и русской царицей.

Сказал я дьяку и про сестру самозванца Елену, чему тот подивился, ибо ранее ничего про неё не слышал. А ведь как она блистала при дворе воеводы Мнишека в Самборе! Сколько шляхтичей потеряли тогда свои головы от любви. И затем сыграла она важную роль в походе самозванца и помогла ему достичь трона московского.

Дьяк показал мне свои записи, которые мне надлежало переписать. Я прочел, как после смерти царя и великого князя Ивана Васильевича трон наследовал его слабоумный сын Федор Иванович. Затем, после его смерти, венец Мономаха оказался у Бориса Годунова. А после трон занял беглый монах Чудова монастыря Григорий Отрепьев, выдавший себя за сына Грозного царя Дмитрия Ивановича.

И все, что касалось самозванца, было изложено с большими ошибками и недомолвками. Про сие я честно сказал дьяку, и тот попросил меня самого написать об этом периоде в истории государства.

Назвал я сии записки «История самозванца» и начал оные с 1602 года, когда первые слухи о беглом монахе, назвавшемся царским именем, появились на Москве.

Затем я сразу перескочил в лето 1604-е от Рождества Христова, когда сам непосредственно стал участником событий. Тогда совсем молодым человеком я впервые встретил Елену, редкой красоты женщину, которая, как, оказалось, была родной сестрой самозванного царевича. Я уже стар и плоть моя давно смирилась, но до сих пор волнует меня воспоминание о той первой нашей встрече в Самборском замке.

Сколько раз потом был я свидетелем смелости сей девицы. Как помогла она самозванцу взять многие пограничные крепости без единого выстрела, ибо сами они отворили ворота перед «царевичем». Какие страсти кипели вокруг неё, и какие мужчины добивались её любви.

А ныне у дьяка в его листах нет ни слова об этой женщине. Словно и не существовала она никогда, и шло все без её участия. И потому моя история может показаться кому-то странной и кое-кто даже может не поверить мне, но стану говорить лишь то, что видел своими глазами.

Как давно сие было. Словно и не я то был, но иной человек. Ибо, как сказал царь Соломон: «Блажен человек, который снискал мудрость, и человек, который приобрел разум, потому что это лучше приобретения серебра, и прибыли от мудрости больше, чем от золота».

*Далее все записи даются на основании «Истории самозванца
Лжедмитрия Первого и сестры его Елены».*

Сведения о самозванце

Январь 1602 года.

По снежной дороге мчались сани, запряженные четверкой вороных. Государев дьяк Посольского приказа Василий Шишкин ехал в Москву.

Радостно было дьяку. Давно мечтал он о дороге назад к родному дому. Еще два месяца тому хотел он отправиться в путь, но не желали недруги видеть его в Белокаменной. Слишком многим перешел он дорогу, и выгодно было врагам держать Шишкина подальше от дел настоящих, касаемых судеб государства Московского.

Выслали его в Новгород, и велено было Шишкину сидеть там и носа на Москву не казать. Не было у дьяка среди больших людей доброхотов, которые могли бы его от недругов прикрыть. Роду он был незнатного и предки его больших мест не занимали. Никто из них выше подьячего с приписью не прыгал, на хлебных местах не сиживал, и потому не досталось Шишкину ни казны богатой, ни связей добрых. Однако был сей дьяк зело умен и сам продвинулся по службе, ибо и иноземные языки знал, и книги читал, и хитрости разные ведал. От того и пошел служить в Приказ посольских дел. Стал толмачом, затем подьячим, а затем и до дьяка дорос. Но Фортуна отвернулась от Шишкина.

Слишком многие стали завидовать на его удачу. Заговорили недруги, что не по чину вознёсся худородный мужичина. И стали Шишкину всяко мешать: чернили перед начальными людьми, обвиняли во мздоимстве,¹ в глупости и еще много было чего. И поносные кляузы² сделали дело. Время царствования государя Федора Ивановича не стало для Шишкина хорошим временем, особливо после страшного дела в Угличе.³

Был Шишкин в те поры в подручных у думного дьяка Битяговского, что надзор за малолетним царевичем Димитрием имел по поручению великого боярина Бориса Годунова. Отрядили его из Приказа посольского в Углич. Шишкин поначалу обрадовался. Хоть и выслали из Москвы, но не куда-нибудь, а в удел царевича, наследника трона. Выдвинется дьяк при малом дворе, а там, глядишь, и Димитрий⁴ царем станет, и двор из малого в большой оборотится.

Однако через месяц, как прибыл в Углич Шишкин, царевича зарезали. Конечно, самого дьяка посольского приказа никто и ни в чем не винил. Не был он близок к угличскому двору и больших дел не делал. Но в опалу все равно попал, хотя истинные виновники убийства не только не понесли наказания, но и возвышены были.

С тех пор, хоть и был Шишкин дьяком, а поручения исполнял самые мелкие. Ни почета, ни злата не нажил и стал пить горькую. Много пропадал дьяк в государевых кабаках, заливал обиду, и через то многие ссоры были у него с женой. Когда московский трон занял государь Борис Федорович, появилась у дьяка надежда. Этот умный и деятельный правитель возвышал людей не по знатности, а по разуму. Но и здесь дьяку не повезло. Не допустили его ни разу пред государевы очи, и не было у царя возможности оценить Шишкина. А женка все грызла и грызла его. Пришлось дьяку идти на поклон к большому боярину Ивану Мстиславскому. Был у него один ход в дом сего вельможи. Знал дьяк боярского дворецкого, который приходился родней жене Шишкина.

¹ Мздоимство – взяточничество (здесь и далее примечание автора).

² Поносная кляуза – донос.

³ Дело у Угличе – имеется в виду убийство наследника престола малолетнего царевича Димитрия Ивановича.

⁴ Царевич Димитрий Иванович – младший сын Ивана Грозного от Марии Нагой, седьмой жены царя. 15 мая 1591 года царевич был убит в своей резиденции в городе Угличе.

Но и здесь капризная Фортуна не повернулась к дьяку ликом. Как только был он принят большим боярином, и было ему обещано кое-что, как звезда самого Мстиславского закатилась. Боярин примкнул не к тем людям при дворе и по царскому приказу его постригли в монахи.

Вот и добрались недруги до Шишкина. Ему все припомнили. И угличское его сидение, и питье горькое, и разговоры ненужные, и слова, спьяну сказанные про порядки московские. Отослали с глаз долой с мелким поручением в Новгород. А от туда, дабы вернуться обратно в Москву, надобно было нечто важное свершить. Занимался же Шишкин делами токмо незначительными. Вот и получалось, что надолго его услали. Просидит в Новгороде год-другой-третий и спишут его за ненадобностью, ибо нет у сего дьяка ни родни, ни злата, и государству от него прибыль небольшая...

И вот пришло его, Шишкина, время! И потому мчится он сейчас на Москву!

Мороз стоял крепкий, и дьяк кутался в лисью шубу. Под кафтаном у него крепкий панцирь – дороги были беспокойны. Всюду шалили разбойники и часто резали путников, коли те без большой охраны путешествовали. А откуда у Шишкина люди для охраны? Каковы его прибитки? Токмо один слуга, что был и за возницу, и за конюха, и за конвоира.

Но все равно отправился дьяк в путь. Пора было заставить Фортуна повернуться к нему лицом. Может она сама и дала ему возможность наверстать упущенное?

К самому царю Борису Федоровичу намеревался пробиться проницательный дьяк и первым доложить про открытую им измену на великого государя.

Появился в пределах земель Речи Посполитой некий человек, назвавшийся именем царевича Димитрия Иоанновича. Дескать, не был он убит тогда злодеями в Угличе, но был спасен верными слугами и до срока скрывал своё истинное приращение (происхождение).

Был тот самозванец принят в замке князя Острожского. А затем и князя Вишневецкого. Слышно было, что заинтересовала особа сего человека и короля Сигизмунда Третьего...

...Попал к дьяку опросный лист попа, которого повязали в государевом кабаке за поносные слова на царя Бориса Федоровича.

– Что сие за бумага? – спросил Шишкин у подьячего.

– Дак поп безместный Васька Шугаев набуянил во хмелю. Сие не в первый раз он за караул угодил.

– Но отчего к нам сия бумага пришла? Поношение государя не наше дело.

– Дак поп сей не прост. Он родня владыки новгородского. Вот его и спровадили к нам, – ответил подьячий.

– Но коли он родня владыке, то отчего поп сей без места обретається?

– Да владыко наказал его за пьянство. Больно поп Василий любит зелено вино. Но разбойного приказу дьяк опасается сего попа трогать и потому нам сие дело сплавил.

– Мало мне опалы царской. Еще и сие дело.

– Дак прикажи попишку отпустить, а бумаги в огонь. И всего делов!

– А чего же дьяк разбойный сего сам не сделал? – спросил Шишкин.

– Дак осторожен он. Мало ли как дело повернется. А так передал нам лист и умыл руки.

Стал Шишкин читать опросный лист со вниманием. Выходило, что не просто ругнул поп государя Бориса Федоровича, но сказал «слово и дело».

– Отпустить говоришь? – Шишкин посмотрел на подьячего. – Ты меня к нему сведи нынче. Я сам опросный лист составлю.

– Пытать станешь?

– Нет, – сказал Шишкин. – Покуда без пытки обойдемся.

И вскоре Шишкин имел в подземельях разговор с дородным попом. Никого при сем разговоре не было.

- Ты стало «слово и дело» знаешь? – спросил дьяк.
- Сболтнул спьяну, – угрюмо ответил поп.
- Дак и мне про сие расскажи. Что знаешь? Повинись.
- Ничего не знаю. Просто сболтнул. Мало ли? Чего спьяну не скажешь?
- Ты, мил друг, не понял куда попал? Не впервой тебя ловят. Про то мне известно. Но ныне ты сказал про изменное дело. И я про сие дело хочу все знать. Коли скажешь добром, прикажу отпустить. А коли нет, то все одно скажешь с пытки. Но тогда отпустить не смогу. Подьячие-то пыточные листы составят. И тогда шила в мешке не утаить.
- Да ничего я не знаю! Токмо слух один передал и все.
- И что за слух?
- Просто так скажу. Но записать ничего не дам! Одному тебе и скажу!
- Говори!
- Объявился в землях польских некий человек. И признали в нем сына государя Ивана Васильевича.
- Сына? Грозного царя? – не поверил Шишкин.
- Царевича Димитрия Ивановича.
- Дак помер он.
- И приняли того человека в замке князя Вишневецкого и слышно было, что признал его князь за истинного царевича. А Вишневецкий Рюрикова корня...

Шишкин понял, какая тайна попала к нему в руки, и потому быстро собрался и помчался в санях со слугой-возницей, никого не уведомив об отлучке. Ежели доложить про то самому царю, то милости его будут к Шишкину великие. Ведь дьяку уже за сорок, а что у него есть? Домишко в Москве, да рухлядишки кое-какой на сотню рублей, да жалование государево. А ведь три дочери у дьяка скоро заневестятся. Как их замуж выдавать без приданого? Да и женка всю плешь проела дьяку, до каких пор в бедности жить будут? Не в пример иным дьякам Шишкин жену подарками радовал мало.

Жаловалась она, за что бог наказал её таким мужем? Ни кожи, ни рожи, ни серебра, ни рухлядишки стоящей.

Шишкин был худ, высок ростом, и бороденку имел редкую козлиную. Оттого и женка его не захотела с мужем ехать в Новгород. На Москве осталась. Чего говорит мне с тобою таскаться? Авось к весне и возвернешься.

Уж он возвернется! Тогда всем покажет кто таков Васька Шишкин! И женка его будет в ногах валяться и слезами умоется! Дай срок!

Царь Борис его отметит и приблизит. А с самозванцем он царю пособит. То хорошо, что объявился человечешко, кой дерзнул себя именем царевича наречь! Сие как раз дело для него – для Шишкина. Главное, дабы не обошел его никто! Первым надобно сие государю сообщить.

Но вот как попасть к царю? То дело непростое. Коли в приказ пойти Посольский, то его и слушать не станут. Скажут, для чего службу покинул без дозволения? И поди докажи им, чурбанам, что де по государевой надобности. А коли рассказать все, то они славу всю себе припишут, а ему Шишкину сунут рублей сто и со двора вон!

Э, нет! Так он делать не станет!

Надобно человека сыскать, что к царю его проводит. Человека не великого, но и не малого. И такой есть при особе царской. Оружничий⁵ Клешнин!

Где-то недалеко послышался удалой свист. Дьяк вздрогнул и прочитал молитву, прося бога сохранить его от разбойников. Много удалых шаек рыскало нынче по большим дорогам. Налоги и войны высасывали все из мужика, и потому пустели деревни, и все больше народу

⁵ Оружничий – придворный чин, ведал царской оружейной казной и был главой Оружейного Приказа.

уходили в бега. Кто подавался на Дон, кто бежал за Великий Камень, а кто просто разбойничал и резал проезжих, зарабатывая себе тем на хлеб и вино...

Но судьба хранила Шишкина и он благополучно до Москвы добрался. И сразу направился к дому царского приближенного Семена Клешнина.

Хоромы царского оружничего были в Белом городе сразу за Неглинкой у самого Кремля. Дом был большой, добротный. Подклети и клети, предназначенные для хозяйственных нужд, сложены из камня, а верхние этажи, где комнаты и горницы, были деревянными. Оно и понятно – жизнь в деревянных комнатах считалась здоровее.

Шишкин с завистью смотрел на хоромы Клешнина.

«Вон как живет царский оружничий! Не мне чета! И слуг у него много и всякой рухляди неслучено. И дочек как у меня трое. Небось, от женихов отбоя нет. Не то, что мои бесприданницы».

Дом Клешнина был огорожен высоким забором. Шишкин подошел к воротам и постучал рукоятью сабли. Залаяли псы, и отворилось воротное окошко.

– Кого бог принес? – послышался голос привратника.

– Дьяк Посольского Приказа Василий Шишкин к боярину!

– Чего? – переспросил привратник.

– Али не расслышал, старый пень? Дьяк Посольского Приказа к боярину по государеву делу!

Старик отворил калитку и впустил Шишкина.

– Коли по делу государеву, то доложу про тебя господину. Но боярин наш гневен нынче. Смотри, как бы тебе батогов не отвесть, дьяк.

– Ты только доложи про меня, мил человек. А дальше моя забота.

Старик ушел и передал слова дьяка слугам.

Скоро к Шишкину вышли. Это был ключник оружничего именем Неждан.

– Заходи! Иди за мной! Боярин ждет тебя немедленно!

Шишкин вошел в дом...

...Царский оружничий, высокий средних лет мужчина, плотного сложения, с красивым лицом, обрамленным русой бородой, был верным человеком Годунова. Потому хитрый дьяк знал, как начать разговор.

– Ты назвался дьяком Посольского Приказа? – спросил он, внимательно изучая Шишкина.

Дьяк низко поклонился.

– Ты сказал государево дело? – снова спросил Клешнин дьяка.

– Знаю дело государево! – сказал дьяк и перекрестился на образа.

– Государево?

– Да, господине.

– Имя?

– Василий Шишкин!

– Отчего ко мне пожаловал? Отчего не в Приказ? – спросил оружничий.

– Я покинул свой пост тайно, господине! В Приказе меня беглым объявят и к батогам приговорят.

– И верно сделают!

– Дак коли за службу такое положено, то готов я отвечать перед государем! – сказал дьяк. Клешнин смягчился.

– Ишь ты, каков гусь. Ладно! Говори дело!

– Я сюда примчался, как мог быстро. Один ехал без провожатых. Ни волков, ни разбойников не убоился.

– И с чего это?

– Изменное дело на великого государя! Дело важное и страшное!

Клешнин встрепнулся.

– Не врешь? – строго спросил он.

– Не вру! – дьяк еще раз перекрестился. – Сведения имею точные. Появился на землях Речи Посполитой некий беглый из Московии. Именуется Димитрием Иоанновичем!

Клешнин приблизился к Шишкину. Он схватил его за ворот кафтана.

– Ты что сказал, пес?!

– Изменное дело, господине. И того беглого в замке князя Вишневецкого приютили.

– Верно ли сие?

– Вот те крест! Назвался тот бродяга сыном умершего царя.

Клешнин отпустил дьяка.

– Но всем ведомо, что умер Димитрий Иванович больше десяти лет назад!

– То всем ведомо, – согласился дьяк. – Но тот бродяга сказал, что де избегнул смерти он, и вместо него был убит иной. А его верные слуги спрятали.

– И тому поверили?

– Дак коли в замке Вишневецкого того бродягу приняли с почетом? Сам посуди, господине. Князь Вишневецкий Рюрикова корня. Сын Грозного – Рюрикова корня, но старшей ветви. А стало, признал князь родство, и признал, что сей самозванец первый из ныне живущих Рюриковичей.

– Пойдем со мной в горницу, дьяк. Там все обскажешь. И коли не соврал, то быть тебе в большом почете за верность! В том слово даю.

Дьяк рухнул на колени и обхватил руками ноги Клешнина.

– Да я все сделаю, господине! Ты не сумлевайся!

– Встань! Не время сейчас по полу ползать! Дело ждет...

Дьяк Шишкин все поведал Клешнину. Надеялся он, что оружничий допустит его до самого царя. Но Клешнин задумал иное.

– Ты, мил друг, службу царю сослужил! То добро! Но надобно тебе еще послужить.

– Я готов.

– Ты сразу ко мне прибыл?

– Да, господине.

– Дома не был?

– Нет, господине.

– И женка твоя не видала тебя?

– Нет, господине.

– И не знает о том, что ты на Москве?

– Нет, господине.

– Добро! Скоро, дьяк, быть тебе в большом почете. Быть тебе думным дьяком при государе!

– Да я... да я готов... да я заради государя...

Шишкин бухнулся на колени и захотел облобызать руку Клешнина. Но тот властно вернул его на место.

– Тихо. Не суетись!

Дьяк сел на место. Клешнин хлопнул широкой ладонью по столу и продолжил:

– Слушай далее. Тебе надобно сразу назад возвратиться.

– Назад? – удивился дьяк.

– Поедешь по следам того самозванца. И станешь одним из его людей.
– Но сие многотрудно, господине!
– Ничуть. Скажешься беглым дьяком.
– Беглым?
– Так веры тебе будет больше. Ежели самозванец измену затеял, то ему русские слуги будут надобны!

– То верно, – согласился Шишкин.

Дьяк стал понимать какие возможности открывались для него. Тайную службу править куда как выгодно. Да еще в землях иностранной державы.

– На сие деньги надобны, господине! – заявил дьяк. – И деньги немалые.

– Дам тебе поначалу тысячу золотых.

У Шишкина перехватило дух. О таком богатстве он и мечтать не мог.

– Провожать тебя станут пятьдесят казаков. До самой границы доставят. Про то, кто ты есть, никто знать не будет. Когда пересечешь рубеж литовский, будет грамота о беглом дьяке. Что де враг ты государю великому. То веры тебе при самозванце добавит.

Клешнин снял с пальца драгоценное кольцо и передал дьяку.

– Запомни сей перстень, дьяк.

– Для чего оно, господине?

– По сему кольцу узнаешь посланного от меня.

Шишкин изучил кольцо и вернул его владельцу. Не запомнить большого изумруда вставленного в золото было нельзя...

Семен Андреевич Клешнин всем в жизни был обязан Годунову. Это его, никому не известного дворянского сына, приблизил к себе боярин Борис в день свадьбы своей сестры Ирины с царевичем Федором Ивановичем.

До того Клешнин долго пребывал на Москве и пробовал пристроиться на теплое место при дворе. Много слышал он дома от бати своего, как мелкие люди поднялись при царском дворе до высот.

Говорил Андрей Клешнин сыну:

– Я всю жизнь в ополчении маялся. Службу служил государю и воевал с войском его под Казанью. Увечье получил. А чего нажил с того? Имение наше почти в разор пошло.

– Бог милостив, батюшка.

– Дурак ты, Семка! Вроде вырос, косая сажень в плечах, а дурак! Как про жизнь мыслишь?

– Дак государь на войну призовет, и я в ратном деле сумею показать себя.

– Снова дурак!

– Чего все лаешься, батюшка?

– А того, что хочу тебя разуму научить. Мы ведь роду не шибко знатного. Но надобно не в ратном поле славу добывать! Ныне при опричном дворе царя людишки худородные в силу вошли. Опричниками зовутся.

– И чего?

– А того, что надобно тебе на Москву ехать. И там искать хорошего и крепкого человека.

– Царя? – спросил тогда Семен.

– Вот дурак! Дак кто тебя допустит до царя? Ты кто таков есть? Верного человека, что при царе состоит. Да не великого человека. До большого царского сподручника не добраться тебе. А вот до кого помельче можно.

– Дак много ли толку от мелкого человека, батюшка?

– А такого следует искать, кто ныне мелок, но завтра высоко взлетит.

– Как распознать такого, батюшка?

– В том и есть искусство великое, Семка. И сделать это надобно, ежели не хочешь дни свои как я кончить. Сам посмотри, как живем? Бедность на пороге дома нашего. А далее еще хуже будет, коли не исправишь сего. Сам я уже не могу того. Немощен. Мне могила, а тебе жизнь. И какова она будет, жизнь твоя, решать тебе.

И выполнил Семен волю отца своего и пристроился при молодом царском сподвижнике Борисе Годунове. И был Борис в те годы царским мыльником. Но затем быстро поднялся благодаря выгодной женитьбе на дочери самого Малюты Скуратова.

Это Годунов представил Клешнина Грозному царю.⁶

Затем, после смерти Ивана Васильевича, Борис стал первым советником нового царя Федора Ивановича, и был назначен правителем государства, боярином-конюшим, великим боярином и наместником царств Казанского и Астраханского.

Борис добился от царя для Клешнина звания окольничего. А уже когда сам Годунов сел на трон, то пожаловал Клешнину высокое звание царского оружничего. И не зря возвышал Борис Семена Андреевича. Большой хитрости был сей человек и мастером славился интриги придворной...

⁶ Грозный царь – Иван IV Васильевич, царь и великий князь Всея Руси, известен в истории под именем Ивана Грозного.

Глава 1

Поручик надворной хоругви

Самбор. Замок воеводы Мнишека.
Лето 1604 года.

Молодой шляхтич Ян Нильский был послан коронным гетманом Речи Посполитой паном Замойским⁷ в Самбор, где стояли лагерем войска собираемые воеводой Мнишеком для пана Димитрия, сына почившего 20 лет назад царя Московии Ивана Грозного.

Пан Нильский имел строгий приказ – внушить воеводе Мнишеку, что его действия незаконны. Только коронный гетман, главнокомандующий всеми войсками Речи Посполитой,⁸ может отдать приказ для сбора войск.

Конечно, понимал князь Замойский, что не сам Мнишек отважился на подобное. Хотя и был своеволен пан Юрий, но не до такой степени. За его спиной стояли многие вельможи Великой Польши и сам ясновельможный пан круль (король). Потому и послал князь к воеводе только своего младшего офицера, а не официального посланца с рангом повыше и титулом позначительнее. Приказы коронного гетмана возили полковники, а не поручики. Но этот молодой шляхтич пользовался полным доверием князя.

Ян Нильский служил под командой коронного гетмана уже три года. Его отец, безземельный шляхтич Николай Нильский, состоял при замке князей Замойских в должности чашника. Всем был обязан пан Николай вельможе-магнату, служил ему честно, и даже сына называл в честь своего благодетеля – Яном.

Ян вырос в замке Замосць и был определен солдатом в гусарскую хоругвь.⁹ Быстро стал наместником¹⁰ за мужество и умение рубиться на саблях, а затем и поручиком личного отряда князя Замойского. После того как пан князь занял пост коронного гетмана, храбрый офицер стал его личным оруженосцем. Карьера завидная для столь молодого человека. О таком сотни юношей гораздо более знатного рода могли только мечтать. Потому и называли пана Яна баловнем судьбы...

Три дня Нильский добирался до резиденции Юрия Мнишека Старого Самбора, королевского города, который входил в воеводство Русское.

Время было тревожное и беспокойное. Шалили на путях разбойники. Но пан Нильский их не боялся и потому спокойно ехал один без сопровождения. Те предпочитали нападать на купцов да на мещан. И риска меньше и прибыли больше. А много ли найдешь в карманах у шляхтича, пусть даже и так хорошо одетого и экипированного как пан Ян? А сабля у офицера острая и две пары пистолетов имелись.

Молодой офицер за время пути видел небольшие отряды шляхты и наемников, что также хотели попасть в Самбор. Вот только цель у них была иная – они желали присоединиться к войску Мнишека.

⁷ Ян Замойский – князь, польский магнат. Занимал должности коронного подканцлера, великого канцлера, старосты краковского, великого коронного гетмана. Строитель города Замосць.

⁸ Речь Посполитая – федерация королевства Польского и Великого княжества Литовского, возникшая в результате Люблинской унии в 1569 году. Располагалась преимущественно на территориях современных Польши, Украины, Беларуси и Литвы.

⁹ Хоругвь – отряд воинов в средневековой Польше. То же что и поздняя рота. В конную хоругвь входило до 80 всадников.

¹⁰ Наместник – помощник командира у крылатых гусар Речи Посполитой. Младший офицер.

То были отряды рейтаров, что искали боевой работы, которой в данный час не было в Великой Польше. Магнаты не вели войн, и заработки наемных солдат упали. Вот и устремились они на юг, где собирались грозные тучи.

Были и безземельные шляхтичи из Литвы и Белоруссии, не имевшие гроша за душой. Потому они также искали большой войны, которая могла наполнить их тощие кошельки.

В одной придорожной харчевне запомнил Нильский пана средних лет в поношенном кунтуше, который громко говорил о войске московского царевича. Скоро де выступит это войско в поход и добудет большую славу. Ему возразили другие паны:

– И про какую славу говорит пан? – спросил старый шляхтич со шрамом через все лицо.

– Про рыцарскую славу. А то застоялся я без настоящего дела.

– Пан видит шрам на моем лице? Вот то было настоящее дело против турок.

Кто-то спросил из глубины зала:

– А чем московские схизматы лучше турок?

– Царевич ведет войско на Москву! На сей раз сын Грозного царя идет во главе войска!

– Цо? Пусть пан не говорит, чего не знает! – вскричал шляхтич со шрамом. – Какой царевич?

– Так пан не верит в царское происхождение Димитрия? Но сам куруль признал его!

– Куруль? Пусть пан не смешит меня. Наш куруль признает все, на что укажет ему пан коронный канцлер. Но есть еще в Речи Посполитой вельможи, что не верят сей сказке!

– Да мне нет дела до царского рождения Димитрия! – высказался иной шляхтич. – Он поможет мне разбогатеть в Московии. Для того я и хочу присоединиться к войску.

Нильский не стал вмешиваться в разговор, который скоро закончился ссорой и шляхтичи вышли во двор рубиться на саблях. Старик со шрамом легко одолел того, кто собирался стать солдатом армии Димитрия.

И этого старика Нильский хорошо запомнил. Тот, после поединка, вернулся в харчевню и сам обратился к нему.

– Пан прибыл издалека? – спросил шляхтич, садясь за стол рядом с поручиком.

– Смотри, что пан понимает под словом «далеко», – неопределённо ответил Нильский.

Шляхтич усмехнулся. Затем задал новый вопрос:

– Пан есть офицер?

– Поручик панцирной хоругви князя Замойского.

– О! Пан служит коронному гетману? Так я знаю пана князя и сам служил под его началом. Давно это было. Пана поручика еще и на свете не было.

– Пан не сказал мне своего имени.

– Пилавский, – представился тот. – Станислав Пилавский. Шляхтич и солдат Речи Посполитой. А как имя пана?

– Ян Нильский.

– И куда пан Нильский направляется? Неужели тоже в лагерь Мнишека?

– Я еду с поручением от пана коронного гетмана.

– Ах, вот как? Тогда не стану больше беспокоить пана. Понимаю, что пан не может мне ничего рассказать. Но пан Мнишек затеял плохое дело. Губят отчизну вот такие полководцы как Мнишек.

И много еще чего говорил старый шляхтич. Нильский слушал и не перебивал рассказчика. Но тот и не требовал ответов. Он был рад возможности обрести слушателя. Ответов ему было не нужно.

Было видно, что все посетители харчевни хорошо знали и уважали пана Пилавского. Хоть был тот совсем не богат, судя по его заплатанному, потерявшему цвет кунтушу. Много воевал этот пан на своем веку, много чего видел и знал. И посоветовал пан Пилавский Нильскому

никогда в войске Мнишека не служить, коли желает он себе добра. Жаль не послушал того совета молодой воин...

Еще издали посланец гетмана увидел башни замка. Вздвигались они над окрестностями серой громадой, как оплот могущества местного воеводы. Над зубчатыми стенами развевались знамена и были видны жерла пушек, у которых шляхтич увидел солдат, словно готовился пан Мнишек к осаде.

«А у Мнишека неплохая крепость, – подумал Нильский. – В такой не одну армию остановить можно. Только чего это пан воевода держит столько людей на стенах, словно готовится к большой осаде? Войны-то нет. Ведь Мнишек собирает войска, дабы наступать, а не обороняться».

И решил пан Нильский расспросить кого-нибудь по пути. Надобно же знать, что в замке происходит.

По тракту к замку тянулись люди. Это были крестьяне с котомками на плечах. Они услужливо сошли с дороги, и низко поклонились шляхтичу. Но с ними говорить пан Ян не стал. Что они могут знать?

Не стал он говорить и с конными казаками, что проехали мимо шляхтича, не обратив на него внимания. Эти не сильно жаловали шляхетскую братию и часто затевали ссоры с солдатами и офицерами короля. Но ныне воевода Мнишек, в войско которого они направлялись, не хвалил за такое и казаки предпочитали сдерживаться.

Не окликнул Нильский и проехавшую в повозке шляхтянку средних лет. Она смотрела на красивого шляхтича и даже махнула ему платком.

«Кто же станет моим собеседником? Хорошо бы купца найти по пути».

И судьба послал ему такого человека.

Конь шляхтича поравнялся с тяжелой телегой, покрытой шкурами, которую тащили две клячи. Лошадьми правил тощий еврей в черном плаще и шляпе.

Он кивнул шляхтичу в знак приветствия и приподнял головной убор.

– Доброго дня пану кавалеру, – сказал он.

– Добрый день, пан купец.

– О! – удивился еврей. – С чего, пан кавалер, признал в старом Рафаловиче купца? Было то время, когда Рафалович был купцом, и его караваны ходили до самого Истамбула. Так, пан, до Истамбула! Но сейчас разве Рафалович купец?

– Пан едет в Самбор? – спросил Нильский.

– Старый Рафалович имеет кое-что продать в Самборе. Хоть и трудно назвать рынком то место, которое так называют местные жители, пан кавалер. Это не Варшава, пан.

– И не Краков, – сказал Нильский. – Но крепость неплохая.

– Я веду торговлю здесь уже два года, пан. Два года. Не один день. И здесь есть несколько цехов, но разве то цехи, пан? То слезы. Вот в Варшаве к примеру...

Старый еврей пустился в долгие рассуждения, что есть хорошая торговля, и что есть хороший и богатый город. Он говорил о рынках Истамбула и Едирне, о богатой Москве, о торговых городах Семиградья. По его словам самборский рынок был совсем никудышным, где порядочному уважающему себя купцу делать было нечего.

Но Старый Самбор в те времена не был бедным городком на окраине Речи Посполитой. Здесь купец немного лукавил. Город был крупным торговым центром, где ежегодно устраивались две ярмарки, работали шесть мельниц, пять пивоварен, действовали ткацкий, сапожный, скорняжный цехи. С 1500 года от Рождества Христова город получил Магдебургское право и королевские привилегии.

Еврей поговорил о торговле и ремеслах, и вдруг задал вопрос:

– А вы, пан кавалер, не местный?

– Я поручик гусарской хоругви Ян Нильский.

– Вот как? Но пан столь молод! И уже поручик!

Нильский не обратил внимания на лесть и продолжил:

– Еду к воеводе Мнишеку с письмом.

– Ах, вот оно как! С письмом! И кто нынче пишет воеводе?

Нильский ответил:

– Про то знать должен лишь сам воевода, пан купец.

– Оно так, пан кавалер. Но старый Рафалович многое знает из того что происходит в доме воеводы Мнишека. И напрасно пан так смотрит на Рафаловича. Рафалович многое может пояснить пану кавалеру. Наш воевода не слишком богат, и часто призывает к себе Рафаловича.

Про то, что воевода Юрий Ежи Мнишек оброс долгами, в Польше знали многие. Слишком широко жил великий вельможа и сенатор, каштелян радомский, воевода сандомирский, староста львовский, воевода самборский и рогатинский.¹¹

– Про это знает половина Польши, пан купец. То «большая» тайна.

– Пан кавалер шутит? Но напрасно пан сомневается в осведомлённости старого Рафаловича. Рафалович совсем не дурак. Да и можно ли позволить себе роскошь быть дураком, если ты родился евреем?

– Пан купец производит впечатление весьма умного человека.

– И снова пан кавалер прав. С чего Рафаловичу быть дураком?

– Так, пан купец, частый гость в замке?

– Слишком частый, пан кавалер. Особливо с тех пор как здесь поселился принц Димитрий, сын русского царя.

– Пан знает «царевича»?

Рафалович ответил:

– Уж если я знаю воеводу и многих вельмож в замке, то отчего мне не знать пана Димитрия?

– Сей господин сейчас в замке Самбор? – спросил Нильский.

– Недавно прибыл из Львова, пан кавалер. Здесь нынче собралось много шляхтичей, что желают помогать принцу, добыть отцовский трон. И здесь панна Марина Мнишек, которая причаровала принца.

– Пан купец, знает и это?

– Когда у тебя просят денег, то надобно знать все, пан кавалер.

– Пан купец многое знает. То сразу видно, хоть пан и приbedняется. Пан знает хорошо воеводу?

– Что есть «хорошо», пан кавалер? Есть люди, которые скажут, что знают пана Мнишека как самого себя. Но они солгут пану кавалеру. Что они могут знать? Разве они давали пану Мнишеку хоть один злотый? А Рафалович давал пану воеводе столь много злотых, что может сказать, что знает воеводу хорошо.

– Так пан купец хорошо осведомлен. Это может пригодиться и мне, коли будет на то милость пана купца.

– Пан кавалер! Я вижу людей. Рафалович сразу видит, кто есть кто! Старый Рафалович знает многих, пан кавалер. Да и как ему не знать? Они знают Рафаловича, а Рафалович знает их. И пана Мнишек только два дня назад звала к себе Рафаловича. Она имела кое-что сказать и кое-что просить. И Рафалович дал панне то, что она просила.

– И в замке много шляхты, пан купец?

¹¹ Должности занимаемые Юрием Мнишеком.

– Очень много, пан кавалер. Старый Рафалович редко когда видал столько шляхты. Замок полон панов и панночек. А пан, как я могу видеть, весьма охоч до панночек. Так в замке у пана будет из кого выбирать.

– Кто в молодости может быть равнодушен к красоте, пан купец?

– В замке пан найдет то, что ему нужно.

– Красивых панночек много везде, пан купец. Нет в них недостатка в Варшаве и Кракове.

– Оно так, пан кавалер! Но в Самборе есть нечто особенное. Можете не верить старому Рафаловичу. Но скоро вы сами во всем убедитесь.

Далее пути шляхтича и купца-еврея разошлись. Они попрощались, и Нильский свернул к большим воротам крепости воеводы Юрия Ежи Мнишека...

У ворот замка молодого шляхтича остановила стража. Это были надворные казаки¹² Мнишека.

– Погоди-ка! Я не видел тебя ранее! – пожилой сотник в синем жупане преградил путь Нильскому.

– Поручик Ян Нильский! – представился шляхтич.

– Поручик? Не знаю я такого поручика.

– Так и я не знаю, пана сотника.

– Пан едет наниматься в войско? – строго спросил сотник.

– У меня письмо к пану воеводе от коронного гетмана!

Нильский достал пакет и показал сотнику печать.

– От его милости гетмана?

– От коронного гетмана Речи Посполитой! – поправил сотника шляхтич.

– Тогда прошу пана следовать за мной! Иван! – сотник подозвал казака. – Прими у пана коня!

Нильский спешил. Казак взял его коня и обещал, что с ним все будет в порядке. При-
сматривает как за своим.

– Иван дело знает! – сказал сотник. – Конь у пана хорош. Такой жеребец не менее сотни
злотых стоит.

– То подарок от пана коронного гетмана, – сказал Нильский.

– Тогда вдвойне дорог сей конь. Прошу следовать за мной, пан поручик.

Нильский, в малиновом жупане со шнурами, выглядел настоящим щеголем. Его кушак
был шелковый, шитый золотом, сабля сверкала позолотой. На шапке горел изумруд.

Сотник Мнишека одет скромнее, но также добротно. Синий жупан, перепоясанный
ярким кушаком, шаровары синего цвета, и желтые сапоги тисненой кожи. На его боку красо-
валась сабля в украшенных серебром ножнах, и за кушаком было два пистоля.

– Я сотник надворной хоругви пана Мнишека Павло Деня. К услугам пана.

– Пан воевода у себя?

– Вчера только прибыла его милость, – ответил сотник. – Всю неделю в военном лагере
пробыли. Смотрели воинство пана Дмитрия.

– И много там воинства?

– Дак почитай две тысячи уже. Скоро выступаем.

Нильского это удивило.

– Выступаете?

– Дак, пан, разве не слышал о походе? Мыдвигаемся в Московию. Станем добывать трон
для пана Дмитрия.

¹² Надворные казаки – личная стража польских и литовских магнатов того времени.

Похоже, что старый еврей Рафалович и вправду многое знал о том, что происходит в замке...

Пан коронный гетман Ян Замойский, отправляя Нильского в Самбор, говорил с ним:

– Сколь много я трудился на благо матери-отчизны, Ян. Сколь много!

– Заслуги вашей милости всем известны, – сказал Нильский.

– Чего стоят заслуги, если они все пустят прахом. Все, что создавали короли и вельможи умнее и лучше них! Они там собирают войско из всякого сброда. Они пользуются попустительством короля Сигизмунда,¹³ этого коронованного тупицы. Он не понимает что делает! И не желает слушать разумных советников.

Нильский моча слушал старого князя.

– Король поддержал беглого монаха и признал его царским сыном! Но даже по виду сей принц вовсе не принц, но самозванец, по коему плачет виселица! Вы его видели, Ян?

– Ваша милость говорит о московском госте?

– Да! Вы ведь видели самозванца при королевском дворе?

– Да, ваша милость.

– И как он вам? – князь строго посмотрел на поручика.

– Я видел его только издали, но держался он величественно. Хотя его рост подкачал. Он много ниже короля.

– В нем все выдает его низкое происхождение! – вскричал Замойский. – И король Речи Посполитой! Король! Ведет с ним переговоры! Как низко мы пали! Вы передадите воеводе Мнишеку мои письма!

– Да, ваша милость!

– Он не имеет права собирать войска! Сие право могу дать лишь я – коронный гетман Речи Посполитой!

Князь негодовал долго, прежде чем отпустить Нильского.

– И кто этот Мнишек? Кем себя возомнил? Неужели он и взаправду думает, он есть полководец и политик? Авантюрист! Затеять войну с Московией!

Пан Ян Замойский был уже стар, но осанку сохранял величественную. Соратник великого Стефана Батория,¹⁴ в прошлом секретарь короля, затем великий канцлер коронный, этот вельможа много потрудился для славы Речи Посполитой.

Князь был одним из самых образованных вельмож того времени. Он учился в Париже, Падуе, Страсбурге. Именно он основал в городе Замосць знаменитую Замойскую академию.

Он изначально был настроен против самозванца, который именовал себя сыном Грозного царя. Князь считал это авантюрой и не разделял мнения короля и многих вельмож, которые захотели использовать самозванца в своих целях...

И вот пан Нильский видит, что князь совершенно прав. Затея с армией зашла столь далеко.

– Пан сотник сказал, что армия выступает? – переспросил Нильский.

– И я сам иду с армией в Московию, пан. Сколь можно сидеть без дела.

– Но у Речи Посполитой нет войны с московским царем.

– Но нас поведет сам московский наследник трона принц Димитрий! Он по праву рождения законный государь Московский.

Нильский не стал спорить с сотником...

¹³ Сигизмунд Третий – король польский и великий князь литовский с 27 декабря 1587 года, король шведский с 27 ноября 1592 по июль 1599 года, внук Густава Ваза и Сигизмунда Старого, сын шведского короля Юхана Третьего и Екатерины Ягеллонки.

¹⁴ Стефан Баторий – король Речи Посполитой.

В замке воеводы Мнишека было полно людей. Здесь собрались шляхтичи с южных окраин, всегда охочие до войны. Эти паны мечтали о большой добыче и были готовы взяться за сабли.

Нильский знал, как нелегко управлять этой вольницей. Они понимали только силу и склонялись лишь перед ней.

– Эй, сотник! – их остановил в коридоре высокий шляхтич в сером кунтуше. – Как голова после вчерашнего?

– Пан Бучинский!

Они пожали друг другу руки.

– Могу и сегодня пригласить пана сотника в трактир. Горилка там не перевелась. Старый жид Рафалович сегодня завез новую партию!

– Я составлю компанию пану Бучинскому. Только провожу пана поручика.

Бучинский церемонно поклонился Нильскому и представился.

– Велимир Бучинский.

– Ян Нильский. Прибыл от его светлости коронного гетмана.

Бучинский еще раз поклонился и сказал:

– Так пан от самого коронного гетмана? До пана воеводы? Так вон идет пан мажордом Валевский.

Сотник встрепнулся:

– Где?

– Дак прямо перед вами, пан сотник!

Сотник Деня увидел мажордома воеводы Владислава Валевского. Он подошел к нему и, указав на Нильского, все объяснил.

– Я проведу пана посланца к его милости. Вы можете идти, пан сотник!

Пан Владислав, молодой человек, не старше самого Нильского, был высок ростом. Одет изысканно, по европейской моде: в колет черного цвета с серебряным галуном, с бантами, пуговицами и с большим кружевным накладным воротом.

– Пан прибыл от пана коронного гетмана? – осведомился мажордом.

– Так, пан. Ян Нильский от его милости пана коронного гетмана до вельможного пана воеводы сандомирского.

– Я сразу проведу пана к воеводе. Прошу вас, пан Ян.

– Следую за вами, пан Владислав.

Мажордом провел гостя через переход к рыцарскому залу, в котором стояли изваяния королей и воевод, рыцарские доспехи, а под сводами укреплены древки со старыми знамёнами.

– Перед вами, пан Ян, рыцарский зал славного самборского замка. Многие из этих пыльных знамен реяли над хоругвями в боях с османами и татарами.

Нильский остановился перед статуей Стефана Батория и отдал дань уважения великому королю, который столь много сделал для величия Польши.

Мажордом провел Нильского через зал в полутемный длинный коридор, слабо освещенный факелами. Посланец великого гетмана понял, что его ведут запасным ходом. Очевидно, пан Валевский не хочет делать его визит достоянием обитателей замка.

– Пан Владислав нарочно повел меня этим ходом? – спросил Нильский.

Валевский согласился.

– Но меня все равно видели. И о моем визите узнают.

– Это так, пан Ян. Но узнают не сразу.

– Я нежеланный гость в замке. То мне понятно.

– Пан коронный гетман не сильно любит нашего воеводу, пан Ян. Приязни между ними нет. А я лишь выполняю свой долг. Может пан воевода и не станет скрывать от общества визит пана. Но то решать пану воеводе.

– Я совсем не держу обиды на пана мажордома.

– А вот и покои моего господина.

Валевский показал на двери, перед которыми стояли два вооруженных охранника.

– Я доложу о вас.

Мажордом исчез, но вскоре вернулся.

Нильского пропустили в богато украшенный приёмный покой воеводы. Там были три человека. Сам воевода сандомирский Мнишек, его дочь панна Марина и молодой человек в синем расшитом серебром польском кунтуше.

– Пан Нильский от его вельможной милости коронного гетмана Ржечи Посполитой Яна Замойского к пану воеводе! – громко провозгласил мажордом и пропустил Нильского.

Юрий Мнишек был мужчина плотного сложения, роста среднего в плечах широкий. Он строго посмотрел на шляхтича.

Нильский на хороший прием и не рассчитывал, он понимал, что пан воевода сандомирский и пан великий гетман, посланником которого Ян являлся, недолгоблюдали друг друга. Но Мнишек, вдруг, сменил гнев на милость. Его суровый взгляд смягчился.

– Пан! – воевода позволил молодому офицеру подойти.

Ян приблизился и поклонился.

– Поручик гусарской хоругви его королевской мосци Ян Нильский! Посланец великого гетмана!

– Я воевода Мнишек! Пан имеет пакет от великого гетмана?

Нильский еще раз поклонился и передал пакет. Мнишек принял его и сказал шляхтичу.

– Рад видеть посланца великого гетмана Речи Посполитой, – вельможа сломал печати.

Нильский видел, как на него смотрит панна Мнишек и второй пан в роскошной одежде. Шляхтичу пока их не представили, но пан Ян хорошо понимал, кто стоит перед ним.

Воевода вытащил письмо и прочитал его. Его лицо стало суровым. Тон письма был более чем резок. Он поднял глаза на Нильского:

– Пан гетман запрещает нам собирать войска? Но я писал пану гетману! Он получал мои письма?

– Того я знать не могу, пан воевода, – ответил Нильский.

– Неужели пан коронный гетман не понимает? – продолжил Мнишек. – Неужели он не видит выгод сего дела? Он командует войсками Речи Посполитой!

– Не мне о том рассуждать! – ответил Нильский. – Я только посланец коронного гетмана!

– Прости меня, пан, – сказал воевода Мнишек. – Обидеть не хотел. Вот перед тобой царевич Димитрий Иванович.

Мнишек представил шляхтичу самого самозванца. Нильский поклонился. Царевич улыбнулся и сделал шаг к шляхтичу. Затем он протянул ему руку.

– Рад знакомству, пан.

Нильский ответил на рукопожатие.

Роста Димитрий был небольшого, гораздо ниже самого поручика, но был широк в плечах, и талии почти не имел. На круглом его лице не было ни усов ни бороды. Подле носа царевича росли две большие бородавки. Это портило его лицо, но открытость и доброжелательность сразу убирали негативное восприятие внешности царевича.

– Царевич Димитрий Иванович, наследник русского трона! – продолжал воевода. – Он сын царя Ивана. И его величество Сигизмунд Третий, наш король, соизволил оказать принцу поддержку.

– Вы, пан, как слуга коронного гетмана, не сочувствуете моему делу? – с улыбкой спросил Димитрий. – Это так?

– Я только служу князю Замойскому, пан царевич. Я поручик гусарской хоругви. Персона не великая. Выполняю приказы.

– Так молод и уже поручик? – спросил самозванец, хотя ему было не больше лет, чем самому Нильскому.

– Мой господин отметил меня. Хотя я недостойн сего высокого отличия.

– И скромн! Не желаешь ли, пан, служить мне? – спросил Димитрий. – Я верну себе трон моего отца! И тогда смогу вознаградить верных.

– Простите, ваша милость, но у меня уже есть господин.

– Так, пан, отказывает царевичу? – вмешалась в разговор Марина Мнишек. – Пан, не желает служить во имя чести?

– Марина! – строго одернул дочь Мнишек. – Простите её, пан поручик.

Марина была одета с роскошью, в парчовое платье с позументом и кружевами. В её волосах сверкала жемчужная сетка.

Ян много слышал про эту амбициозную панну. Она совсем не была красавицей. Тонкие губы, вытянутое бледное лицо, длинный нос. Глаза её горели недобрыми огоньками и были готовы испепелить Нильского.

– Так, пан, не ответил, – настаивала она.

– Я слуга коронного гетмана, милостивая пани! – ответил Нильский с поклоном.

– Марина! – снова вмешался Мнишек.

Его дочь сумела быстро оценить Нильского. Статный с приятным лицом, с девичьим румянцем на щеках, с модными завитыми усами, он выгодно отличался от «царевича».

«Какой, однако, красавец, – думала Марина. – Вот сего шляхтича можно иметь в своих фаворитах».

Высокий и красивый шляхтич сразу очаровал её. А Марина Мнишек привыкала получать то, что ей нравилось.

– Так пан отказывает мне? – она снова пошла в «атаку» и отмахнулась от отца.

– Панна, изволит о чем-то просить? – спросил Нильский. Хотя он прекрасно понял Марину.

– Пусть, пан поручик, присоединится к войску принца. Димитрий идет воевать за святое дело, – откровенно высказалась она.

– Если бы я не дал слово шляхтича и присягу моему князю, то непременно согласился бы с панной! – Нильский поклонился Марине.

– К вам обратилась с просьбой Марина Мнишек! – произнесла она торжественно. – Я выделяю не каждого!

Мнишек с гордостью посмотрел на дочь.

«Истинная царица! Она достойна занять трон Московии. Моя Марина рождена для величия!»

Димитрий примирительно похлопал Нильского по плечу.

– Завтра мы с воеводой приглашаем пана в лагерь нашего войска.

На том аудиенция у воеводы и кончилась. Юрий Мнишек и принц Димитрий покинули покой. Но вниманием Нильского завладела панна Мнишек.

– Пану уже выделили комнату в замке? – спросила она.

– Нет, милостивая панна. Я только прибыл в Самбор.

– И сразу к моему отцу? Впрочем, это видно по вашему дорогому, но пыльному платью, пан поручик.

– Прошу прощения у милостивой панны.

Нильский снова поклонился.

– Я сама подберу покои для пана поручика. Покои достойные кавалера благородного рода.

– Прошу меня простить, милостивая панна, но я роду не знатного. Я лишь слуга князя Замойского. Я не столь высокого рода как панна.

– Вы шляхтич по виду, пан Ян. А что до знатности... – она сделала паузу и продолжила. – А что до знатности, то я смогу поднять пана высоко.

– Достойн ли я внимания панны?

Мнишек прикоснулась к его подбородку своими тонкими и красивыми пальцами.

– Достойны, пан кавалер...

Нильский слышал о том, кто такая Марина Мнишек. Она была горда и многим женихам отказала, хотя сотни девиц в Польше и Литве почли бы за счастье выйти замуж за сих кавалеров. Но Марина мечтала о короне. Он верила, что рождена повелевать. Она ждала достойного кандидата на свою руку.

– Пан кавалер, должен почувствовать гостеприимство дома Мнишек.

– То большая честь для меня, милостивая панна.

– Пан Валевский! – Марина позвала мажордома.

– Милостивая панна! – мажордом склонился перед Мариной.

– Размести, пан, сего кавалера в покоях, про которые знаешь.

– Как прикажет панна! – еще раз поклонился Валевский.

Он провел поручика к тому крылу в замке, где размещалась знать, а не мелкие шляхтичи и офицеры.

– Сии покои знак высокой милости, пан, – сообщил Валевский. – Панна Мнишек выделяет не каждого. Пан понимает меня?

– Не могу понять с чего мне такая честь, пан мажордом. Я прибыл от князя Замойского и потому на хороший прием не рассчитывал.

– Но панна Мнишек отметила, пана кавалера. И через панну высокий жребий коснется и его.

– То для меня загадка, пан мажордом.

– Все скоро прояснится, пан кавалер.

Нильский познакомился со своими покоями. Комната была разделена на две части высокой ширмой, расписанной яркими красками. Мебель дорогая – столы с витыми ножками и резные стулья с львиными головами на подлокотниках. За ширмой роскошная большая кровать с перинами и подушками.

– Пусть пан кавалер располагается. Я прикажу слугам принести ваши вещи.

– У меня их мало, пан мажордом. Все приторочено к седлу моего коня.

Валевский поклонился и ушел. И не успела за ним закрыться дверь, как в комнату с другой стороны вошла панна Мнишек.

Шляхтич никак не ожидал её увидеть так скоро.

– Пану нравится? – спросила она.

– Роскошно, милостивая панна.

– Здесь есть второй ход, пан кавалер. И сие весьма удобно.

– Панна говорит...

– Я говорю об удобстве для пана кавалера. Ведь пан любит женщин?

– Панна смущает меня.

– Не верю, пан. Вы смущаетесь? Вы избалованы вниманием женщин. Я вижу это, пан кавалер. И в замке Мнишек у вас не будет в них недостатка. Спать на такой кровати одному – кошунство.

Марина помогла Яну разместиться в роскошных покоях и оставила его. Слуги принесли его вещи и доложили, что с конем пана все в порядке.

Но как только Нильский переоделся, в двери его комнаты постучали. Он не успел ответить, как щелкнул замок, и в комнату вошла молодая девушка лет 17-ти.

Она была в сиреневом плаще с капюшоном поверх простого платья. На ней не было украшений кроме сережек с изумрудами. Но, впрочем, украшения девушке были не нужны. Её собственная красота и юность были лучшими сокровищами, коими одарила её сама мать природа.

Стройная и гибкая, с высокой грудью, прелестным личиком и большими глазами. Она влетела в комнату и, увидев, Нильского, остановилась.

Шляхтич поклонился.

Она помолчала несколько мгновений.

– Пан? Простите. Я вас не знаю.

– Ян Нильский, гусарский поручик надворной хоругви князя Яна Замойского! – представился шляхтич.

– Елена, – она назвала лишь имя.

– Рад знакомству с панной!

– Простите, я не знала, что комнаты сии уже заняты.

– Меня поселили здесь менее часа назад, панна. Но если сии покои ваши, то...

– Нет, нет. Они не мои. Моя комнатка в другом крыле замка, пан поручик. Простите еще раз и разрешите мне удалиться.

– Как прикажет, панна. Но панна пришла сюда не просто так?

– Я бывала здесь втайне от остальных, пан. И пусть пан сохранит мой секрет.

– И панна знает тайну второй двери? – Нильский указал на другой вход.

– Знаю, пан. Но я не стану вас беспокоить, пан.

– Панна не беспокоит меня. Я рад такой встрече.

– Простите меня, но я должна покинуть вас, пан Ян.

– Но могу я надеяться встретить панну еще раз?

– Пан желает видеть меня?

– В том вина самой панны. Панна так красива...

– Пан знает кто я?

– Панна назвала лишь имя. Но могу сказать, что панна достойна имени Елена. Как та царица, ради которой началась троянская война.

– Пан прибыл надолго?

Нильский ответил утвердительно. Теперь он здесь задержится.

– Тогда возможно мы и встретимся.

После этого девушка исчезла из комнаты. Но спустя пять минут в двери снова постучали.

«Неужели она вернулась?»

Стук повторился.

Ян сам впустил нового посетителя. Это был его знакомый еврей Рафалович.

– Рафалович сразу пришел к пану, ибо слышал, как пан сразу добился успехов.

Нильский не понял еврея.

– Каких еще успехов, пан Рафалович?

– Как же, пан кавалер! Только прибыли в замок! Только прибыли и уже сама панна Мнишек подыскивает вам покои! То дорогого стоит, не будь я Рафалович! Дочь воеводы выделила вас.

– Панна Мнишек оказала мне честь, – согласился Нильский.

– Впрочем, старый Рафалович сие знал и до этого. И Рафалович принес вам новое платье, пан кавалер.

Еврей щелкнул пальцами и двое слуг внесли в комнату тюки.

– Простите, пан купец, но я не хочу покупать новое платье.

– Так пан еще не видел, что Рафалович ему принес. А как пан увидит, то и сразу захочет купить.

Еврей развернул первый тюк и показал шляхтичу отличный французский колет алого бархата с золотым галуном и роговыми пуговицами.

– Пусть пан потрогает бархат! Это райское наслаждение. Какова ткань? Что скажет пан?

Нильский отметил, что колет хорош.

– И новомодные штаны для пана кавалера из такого же бархата с бантами. Из самой Франции, пан кавалер. А кружева, пан? Какие кружева принес вам старый Рафалович.

Нильский благодаря щедрости князя Замойского имел в кошеле 500 злотых. И вскоре двести из них переключали в кошель Рафаловича.

Колет, штаны, сорочка с кружевами, сапоги и модные туфли с пряжками, короткий плащ и шляпа с пером: были разложены на кровати шляхтича.

– Как хорошо звенит золото, пан кавалер. В этом замке мне не часто приходится слышать этот волшебный звон. Мелкая шляхта все желает получить в долг.

– Так и я из мелкой шляхты, пан купец.

– Я не имел в виду пана кавалера. Разве пан мелкий шляхтич? Рафалович не хотел сказать того. Это было бы обидно для пана кавалера.

– А, пан купец, знает всех в замке? – спросил шляхтич, после того как еврей пересчитал золото.

– В замке несколько сот слуг, пан. Да множество шляхты съехалось. Да наемники принца Димитрия. Новых людей много, но кое-кого старый Рафалович знает. Кто интересуется пана?

– Я встретил девушку.

– Девушек здесь много.

– Её имя Елена. Но это все, что я знаю. Она божественно красива.

Рафалович всплеснул руками.

– Пан в замке не больше часа, а узнал столь много! А я говорил пану, что женщины здесь особенные.

– Но я не узнал кто она, пан Рафалович. Я встретил её случайно. Она вошла в эту вот комнату, и удивилась, увидев, здесь меня.

– И пану запомнилась девица?

– Её трудно не запомнить. Меня как громом ударило.

– И пан желает знать кто она?

– Желая. Она рода незнатного, судя по платью.

Еврей хохотнул в ответ.

– Сия Елена, пан, прибыла в замок вместе с принцем.

– Что? – не понял Нильский.

– С принцем Димитрием Ивановичем. Она из его свиты.

– Значит... Значит она...

Лицо шляхтича залила краска. Он подумал, что это любовница царевича. Вот почему она так свободно гуляла по замку. Но купец поспешил его разубедить.

– Нет, пан. Она не любовница принца. Сия девушка чиста как майская роза.

– Не понимаю, пан Рафалович.

– Так старый Рафалович все объяснит пану кавалеру.

– Если они прибыла в свите принца Димитрия, то неужели он не обратил внимания на такую красоту?

– Как можно, пан кавалер? Елену заметили все.

– И царевич любит её?

– Любит, – ответил Рафалович. – Но принц Димитрий любит Елену не как простую девушку, пан кавалер.

– Вот как? Пан купец меня заинтересовал!

– Сие страшная тайна, пан кавалер. Но! – еврей поднял вверх указательный палец правой руки. – Но про сие знают все.

– Пан купец говорит загадками.

– Сие знают все, но притворяются, что не знают, пан кавалер. Эта девушка сестра принца.

– Что?

– Димитрия Ивановича.

– Не могу вас понять, пан купец. Но я никогда не слышал о том, что с принцем прибыла и дочь царя Ивана.

– Она не дочь царя, пан кавалер. И потому здесь она дочь дьяка из Московии именем Ждан Порошин. Елена принята при дворе как дочь Порошина. Но всем ведомо, что она дочь московского дворянина Отрепьева.

Нильский все понял. Она сестра самозванца! Родная сестра! Но Юрий Отрепьев принял имя Димитрия Ивановича и не мог признать Елену.

– Сей Ждан Порошин беглый из Московии. Говорят, царь Борис приказал его пытаться. Но дьяк ушел в Литву. И вот он при дворе принца. И Димитрий попросил его признать Елену дочерью. Ей надобно официальное положение при дворе воеводы Мнишека.

Нильский обрадовался:

– Это просто отлично, пан купец. Вы принесли мне хорошие вести и я не жалею о потраченных деньгах!

– Пан так радуется тому, что девица сестра принца?

– Я радуюсь, что она мне ровня, пан купец. Стало быть, я смогу ухаживать за панной.

– Пан?

– Я могу ухаживать за панной Еленой.

– Пусть пан забудет про сие.

– Это еще почему? – спросил Нильский. – Она не княгиня и я могу просить руки этой девицы. Я шляхтич.

– Что пан говорит? – удивился еврей. – Пан только раз и видал сию девицу. И говорит об узах брака?

– И что с того?

– Но сие опасно для пана.

– Опасно? – удивился Нильский. – Я не богат, но я хорошего рода. И брак со мной не поруха для чести дочери дьяка Порошина. Иное дело, когда девица царских кровей.

– Дело не в крови, пан поручик. У девицы есть воздыхатель.

– Воздыхатель? При её красоте это неудивительно, пан купец.

– Но это весьма преданный воздыхатель.

– И кто он? – спросил Нильский.

– Пан Велимир Бучинский.

– Я видал сего пана. И не уступлю ему.

– Возможно, – согласился Рафалович. – Хотя пан Бучинский забияка известный. И мастер рубиться на саблях. Но главная опасность для пана кавалера не в нем, а в панне Мнишек.

– В панне Марине? Но она нареченная невеста принца.

– И что с того? – усмехнулся еврей. – Вы прибыли от его милости коронного гетмана, пан кавалер.

– Это так, – согласился Нильский.

– И думали сразу уехать?

- Как только получу ответ от воеводы для моего господина князя Замойского.
 - Но пан изменил мнение, увидев Елену? – спросил еврей.
 - Это правда, пан купец.
 - Так я скажу пану, что для того она здесь и оказалась. Елену направили сюда не случайно, пан кавалер. Но она лишь оружие панны Мнишек.
 - Но панна Мнишек гораздо выше меня по положению.
 - И что с того, пан? Панна Марина не собирается замуж за пана поручика. Но она уже скоро напомнит пану о себе.
 - Скоро?
 - Панна Мнишек не любит ждать.
 - Пусть бы напомнила про себя панна Елена.
 - И это может быть, пан кавалер.
 - Что пан сказал? Неужто сие правда?
 - Эх, пана кавалера зацепила девица.
- Нильский действительно был любимцем шляхтянок при дворе Замойского. Но такой как панна Елена он никогда не видел.
- Она не могла не зацепить, пан купец. Это богиня, а не женщина.
- Рафалович понял, что шляхтича не хотят сразу отпускать из замка. Слишком быстро все складывалось. А купец не верил в случайности в самборском доме Мнишека. Кое-кто сразу понял, как заставить сего пана задержаться. Этот ради красивой шляхтянки способен на многое.
- Еврей попрощался и покинул покои Нильского.
- «А это интересно. Затевается интрига. Старому Рафаловичу стоит понаблюдать за сим паном. И старый Рафалович сделает это!»

Глава 2

Ночью все кошки серы

Самборский замок.
Покои Марины Мнишек.
Вечер.

Марта, ближняя служанка Марины Мнишек, была красавицей. И не будь у Марины такого самомнения, она ревновала бы к красоте этой стройной девушки из простого рода. Но дочь воеводы Сандомирского считала, что её собственная красота многократно превосходит красоту всех женщин Польши и Литвы. Потому Марта была доверенной всех тайн Марины, и госпожа и служанка не скрывали друг от друга ничего. Они были во многом подругами, хотя шляхтянка никогда не забывала своего положения и не допускала и тени фамильярности.

Красота Марты, и её близость к панне Мнишек, делали её желанной для многих мужчин Самборского замка. Мелкие шляхтичи даже дрались из-за неё на дуэлях. И всего неделю назад одна такая дуэль закончилась смертью венгерского наемника, который давно имел виды на Марту и сильно ей докучал.

Когда в замке впервые появился московский царевич, он также заметил Марту. И она первой познала ласки самозванца. Конечно, для Марины это не осталось тайной, но она не ревновала. Для неё главным объектом желания была корона и Марина считала, что все средства хороши для достижения высокого жребия, который, как она считала, был предназначен ей судьбой. Мнишек даже поощряла Марту к этому роману. Так она могла знать все, что происходит в голове у царевича, который был весьма разговорчив с любовницей.

Но сегодня Марта хлопотала не о себе, а о своей госпоже.

– Он сказал тебе, что желает меня? – спросила Мнишек служанку.

– Так и сказал, моя панна. И он не стеснялся в выражениях. Он не скрывал того чего хочет, как обычно это делают кавалеры.

– Он столь груб?

– С чего панна вязала, что он груб? Он просто спросил напрямик.

– Это ли не грубость?

– Пусть панна так не говорит. В его откровенности было столько страсти.

– И что ты ответила?

– Могла ли я отвечать от имени панны? Ныне он хочет не меня. И он слишком нетерпелив.

– Вот как? Он ждет ответа?

– Один из его слуг ждет ответа за этой дверью. И он сказал, что будет просто счастлив, если сама панна напишет ему.

– Напишу? Своей рукой? Ну, нет. Этого я делать не стану.

– Но панна достоин его посещением? Ведь он этого ждет и от этого многое зависит в жизни моей панны. А панна уже много раз отказывала ему.

– Я не отказывала, Марта. Я только отодвинула час, когда стану принадлежать ему. Разве заслужил он ласки Марины? Что он сделал для этого? – спросила Мнишек.

Марта ответила:

– Он сделал много, моя панна. Он собрал целое войско для похода и готов подарить моей панне царство.

– Пока это только слова, Марта. Войско же собрал для него мой отец. Это имя Мнишека привлекло к Димитрию шляхту. Сам он набрал только отряды казаков и нескольких русских перебежчиков. Разве это войско? И платит им мой отец.

– Пан Мнишек только обещал заплатить, моя панна, – поправила Марину Марта.
– Слово Мнишека стоит дорого! – гордо заявила Марина.
– Так пан царевич останется без женской ласки на эту ночь?
– Почему же? Он получит кое-что.
– Как понять мою панну?
– Где он намерен встретиться со мной? – спросила Мнишек.
– В ваших покоях, моя панна.
– Так передай ему пусть в полночь приходит в мои покои.
– Панна?
– Передай ему эти слова, Марта. Пусть принц тайно приходит в покои Марины Мнишек в полночь...

**Самборский замок.
Покои пана Нильского.
Полночь.**

Нильский проснулся от прикосновения чьей-то руки.
Рука была женская и, поначалу, шляхтич думал, что он все еще спит. Слишком трудно было отличить реальность от грез. Но тихий голос заставил его проснуться:
– Пан уже не спит. Пан попал в волшебную страну.
Свечи были потушены и на окнах плотные шторы не пускали внутрь лунный свет. Ян не мог вдеть ту, кто рядом с ним.
– Кто здесь?
– А кого пан желал бы видеть в эту ночь рядом?
Воображение нарисовало образ красавицы Елены.
Голос ответил:
– Пан так красиво думает.
– Панна причтала мои мысли?!
– А почему я не могла прочесть их, пан кавалер?
– Панна колдунья.
– И мое колдовство особого свойства. Пан кавалер.
Нильский содрогнулся. Это была она! Только она могла говорить так!
– Панна? – горячо прошептал Ян. – Панна? Я все еще сплю!
– Нет, пан, – тихо прошептал голос. – Пан думал обо мне. Я прочтала его мысли и явилась выполнить его желания.
– Я не мог не думать, милостивая панна. Ваша красота сразу сразила меня.
– Пан говорит сие не в первый раз? – тихо спросила красавица.
– Я в первый раз говорю искренне, милостивая панна. Как только моя панна вошла в эту комнату я понял...
Она притянула его к себе. Руки красавицы были сильные.
– Пусть пан полюбит меня.
– Панна уверена?
– Пан спрашивает? Я в руках пана.
– Но...
– Меньше слов, пан. Я в твоей воле. Эта ночь твоя.
Нильский отыскал губы красавицы. Он вдохнул запах её волос. Больше они ни о чем не говорили...

**Самборский замок.
Покои панны Елены.
Утро.**

Дмитрий Иванович встретил сестру утром. Она возвращалась в свою комнатушку. Быстро вставила ключ в замок и отворила двери.

– Елена!

Девушка вздрогнула и оглянулась.

– Юрий? Ты напугал меня.

– Меня зовут Димитрий! Сколь раз говорено про сие!

– Но мы одни. Рядом никого нет.

– Все равно. Я Димитрий Иванович. И никогда не забывай про это!

Они вошли в комнату Елены. Самозванец сел на стул.

– Где ты была?

– Выполняла твою просьбу. Слушала разговоры в тайной комнате.

– Они уже собирались? – спросил самозванец.

– Да. Пан Мнишек и с ним двое других. Они прибыли тайно.

– И кто они?

– Князь Вишневецкий и князь Ружинский.

– Вот как? И Вишневецкий здесь?

– Был. Но он уже покинул Самбор. Прибыл сюда тайно под видом гусарского офицера. И прибыл при малой охране.

– Как ты узнала о том, что они соберутся нынче ночью?

– Хайм Рафалович рассказал.

– Этот хитрец знает многое. Мне нужно было видеть его еще вчера. Но мне нужны не его сведения, а его деньги. Мне нужна еще тысяча золотых. Я обещал войскам.

– Ты слишком много берешь в долг, Юрий.

– Димитрий Иванович! – поправил сестру самозванец.

– Хорошо, Димитрий Иванович! И тебе стоит остановиться.

– Воевода Мнишек берет еще больше. Но хватит про это, Елена. Что они говорили? Они окажут мне помощь?

– Они обеспокоены приездом посланца от Замойского. Коронный гетман против твоей затеи. Они говорили не только по-польски, и я не все поняла. Тот второй язык мне неизвестен.

– Но что они сказали? Что сказал Вишневецкий?

– Он стоит за тебя.

– Да?

– А как иначе. И Ружинский за тебя.

– А сенатор Сапега? Что они говорили про него?

– Сенатор на твоей стороне. Но король Сигизмунд колеблется. Группировка знати, которую возглавляет Замойский, слишком сильна при дворе. Это было в письме Сапеги, которое читал Вишневецкий.

– Это мне и так известно.

– Но сюда прибыл этот шляхтич.

– Посланец Замойского?

– Да. И он сможет нам помочь. Вернее сможет помочь тебе, Юрий.

– Не ты ли мне посоветовала все это, Елена? Не из-за тебя ли я стал скитальцем?

– Но ты получил возможность стать царем. И я сделаю все, чтобы твою голову, Юрий, украсила корона...

Самборский замок.

Покои панны Марины.

Утро.

Марина Мнишек вернулась в свои покои. Верная Марта открыла госпоже двери, услышав условный стук.

– Хорошо, что мой отец занят сейчас войсками и предстоящим походом, – сказала Мнишек, сбрасывая накидку на руки служанки.

– Пан воевода, как говорят, ночью принимал гостей.

– Гости?

– К нему прибыли князь Вишневецкий и пан Ружинский.

– Значит, вопрос о походе решен.

Марта отметила про себя, как небрежно было застёгнуто платье на Марине. Сразу видно, что одевалась она наспех и сама. Её ночь утех удалась.

«Её прямо распирает от желания мне все рассказать. Тот шляхтич оправдал ожидания, а такое случалось не часто».

Марина села на кровать и откинулась на подушки.

– Панна желает...

Мнишек прервала служанку приказом:

– Марта, садись рядом.

Женщина села и спросила дочь воеводы:

– Панна вернулась с победой?

– С полной победой, Марта.

– «Крепость» выкинула белый флаг?

– Почти сразу, – самодовольно заявила Мнишек. – Хотя молодые мужчины иногда бывают просто смешны.

– И как он?

– Поначалу был даже робок.

– Робок? Можно ли поверить, моя панна?

– Я сказала поначалу. Но потом... Потом он показал себя как нужно.

– Панна может его сравнить с...

– Он просто лев, Марта.

– Лев? Это слишком сильно, панна.

– Я знаю, что говорю, Марта.

– Моя панна не часто хвалит ночных кавалеров.

– Раньше их не за что было хвалить. Это были не те кавалеры. Но этот на высоте! Он красив не только внешне, он весьма хорош на поле любви.

– Но панна не хочет сказать, что бросит все...

– Нет. Мой путь к трону лежит через постель принца Димитрия. Я уступлю ему в свое время.

– Пусть он сделает панну царицей. Пусть бросит к её ногам Московию. Я помогу панне переодеться.

Мнишек дала Марте исполнить обязанности служанки, которая всегда помогала госпоже одеваться и раздеваться.

– Я иногда сомневаюсь в нем, Марта.

– В московском принце?

– А в ком еще? Не в пане же Нильском. Царевич Димитрий пока загадка. Так ли он честолюбив? А если он не добудет трона?

– Но король и многие вельможи за него. Они посадят его на трон!

– Мой отец думает так же. Но все же, иногда меня посещают сомнения. Если он слаб в постели, то, может, он слаб и на поле боя?

– Пусть панна не наговаривает на царевича. Он не слаб в делах любви.

Марина Мнишек усмехнулась этому заявлению служанки.

- Марта, он взял тебя нынче ночью?
- Да, и не один раз.
- Он понял, что в его кровати ты, а не я?
- Сразу понял, моя панна. Хоть в покоях и было темно, как велела панна.
- Он сказал тебе?
- Не стоит забывать, что мы с ним были не первый раз.
- Но ведь в темноте все кошки серы. Так ведь говорят?
- Он назвал меня Марта. И сделал это сразу, еще до первого раза.
- И все?
- Он сказал: «Пусть будет так».
- И он был доволен?
- Моя панна плохого обо мне мнения, – с усмешкой стростила красавица-служанка. –

Ваш жених у моих ног. Но я не посягаю на право панны.

- Что за право? Пусть спит с тобой. Но ты не надоешь ему быстро?

– Панна обижает меня. Меня быстро не бросают, хоть я не так красива и свежа как моя панна.

Марта лукавила. Она слишком хорошо знала о своей красоте и о том, что как женщина была гораздо привлекательнее панны Марины. Но она всегда льстила девице Мнишек, а та принимала эту лесть за чистую монету.

Марина спросила:

- И он тебе самой нравится?
- Вы о постели, моя панна? – спросила Марта с усмешкой.
- Да.

- Принц совсем не слаб в этом деле.

– Этот московский гость здесь волочится за каждой юбкой. Еще бы. На Москве его не баловали вниманием такие женщины.

- Но разве панна уверена?
- Уверена в чем? – спросила Мнишек.

– В том, что пан Димитрий не царевич? Он много скитался и много пережил. Его могли скрывать верные люди.

– Оставь, Марта. Он такой же сын Грозного, как ты дочь короля Франции. Нет! Он не царского рождения, но он может занять трон! И что мне до того, кто его отец? Пусть подарит мне корону!

Мнишек осталась в одной рубашке с кружевами и осмотрела свою фигуру в зеркале.

- Панна прекрасна, – сказала Марта.

И Марина с ней была согласна...

Глава 3

Войско принца Димитрия

*Товарищи! Мы выступаем завтра
Из Кракова. Я, Мишиек, у тебя
Остановлюсь в Самборе на три дня.
Я знаю: твой гостеприимный замок
И пышностью блистает благородной
И славиться хозяйкой молодой. —
Прелестную Марину я надеюсь
Увидеть там. А вы, мои друзья,
Литва и Русь, вы братские знамена
Поднявшие на общего врага,
На моего коварного злодея,
Сыны славян, я скоро поведу
В желанный бой дружины наши грозны...*

А.С.Пушкин «Борис Годунов».

1

**Самбор.
Сентябрь 1604 года.
Лагерь армии самозванца.**

В лагере под Самбором среди шатров и многочисленных знамен шли военные игрища. Шляхтичи соревновались в искусстве владеть оружием. Звенели сабли и гремели выстрелы из мушкетов.

Немецкий капитан муштровал наемников с пиками и с презрением истинного солдата косился на шляхту.

– Посмотри, Клаус, – сказал он своему сержанту, – на этот сброд. Они почитают себя солдатами.

– Нам с ними выступать в поход, капитан. И если бы мы стояли против шведов, я не дал бы за этих вояк и медного гроша.

– К счастью мы идем не на шведов, Клаус. Но и твои пикинеры никуда не годятся.

– Это тридцать оборванцев – новый набор, капитан. Я сделаю из них солдат.

– Слишком мало времени для этого. Это крестьяне, а не солдаты.

– Они и были вчера крестьянами, капитан. Это беглые земледельцы из венгерских земель.

Но из них выйдут отличные воины. Знаю это по опыту...

Мушкетеры дали залп из мушкетов по цели и офицер отметил, что стреляли они недурно.

– Будь у меня тысяча таких солдат, я дошел бы до самой Москвы! – хвастливо заявил он.

– Но здесь всего пятьдесят солдат, мой капитан, – сказал по-французски второй офицер. – Эти умеют обращаться с мушкетом. Да еще с сотню можно набрать среди немцев из Гессена. Остальные новобранцы.

– А вот их дворяне недурно владеют саблями, лейтенант.

– Мне трудно назвать их дворянами, мой капитан. Это сущие оборванцы. Я предпочел бы им солдат из Европы.

– У здешнего принца не много денег. Наемники стоят дорого. О! – воскликнул капитан. – А вот тот пан отлично отбил удар! Смотрите, лейтенант! И еще один удар!

– Это пан Бучинский, мой капитан.

– Тот самый? Я слышал про него, хоть я здесь и не так давно. Принц Дмитреус сделал его доверенным капитаном?

– Пан Бучинский стал другом московского наследника, мой капитан. Но это редкий негодяй.

– Среди наемников это не новость, лейтенант. Среди наших солдат почти все негодяи и преступники. Главное вымуштровать из них солдат.

– Из наших солдаты будут. А вот из их шляхты, что получится? Они совершенно не поддаются управлению, мой капитан. Пьют вино и дерутся на саблях каждый день. А Бучинскому убить столь же легко, как выпить кружку пива.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.